

18+

Николай Кузнецов

*Тропинки
первой любви*

Николай Кузнецов

Тропинки первой любви

«Издательские решения»

Кузнецов Н.

Тропинки первой любви / Н. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839166-8

В сибирском таёжном селе, в детдоме зарождается любовь между воспитанниками Колей и Ниной. Труд, учёба, чтение книг, песни, драмкружок — всё это объединяет подростков. Став взрослыми, они не раз встречаются, но происходит несколько размолвок. Преодолев все перипетии судьбы, они всё же в 33 года опять мирятся. Живут в счастливом семейном браке много лет.

ISBN 978-5-44-839166-8

© Кузнецов Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава №1 Детдом	6
Глава №2 Первая учительница	9
Глава №3 Мистика	12
Глава №4 Будни детдома	17
глава №5 Последний год в детдоме	21
Глава №6 Нина Суворова	24
Глава №7 Чтение книг	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тропинки первой любви

Николай Кузнецов

© Николай Кузнецов, 2018

ISBN 978-5-4483-9166-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава №1 Детдом

*Первая любовь школьные года
В лужах голубых стекляшки льда
Не повторяется, не повторяется
Не повторяется такое никогда...
Пляцковский М. С.*

Детство моё прошло в глухой сибирской деревеньке Вдовино, которое находилось на севере Новосибирской области, на берегу речки Шегарки. Мы со старшим братом Шуркой воспитывались в детдоме, а мама работала здесь же. Основным зданием детдома было деревянное, длинное, с тесовой крышей помещение, в котором находилось 120—140 детей. У входа располагалась комната персонала – бухгалтерия, затем четыре классных комнаты по 30 человек в каждом, солидный зал для коллективных мероприятий и через комнату-кубковую коридор, ещё одна спальня и туалет для малышей. Была создана одна смешанная группа для самых маленьких, две старших группы мальчиков и одна девочек. Столовая располагалась отдельно – в ста метрах от детдома. Здесь же кухня, склад, изолятор, прачечная, баня – все эти отдельно стоящие избы почему-то называли Хомутовкой. Получился просторный двор у детдома, свой участок под огороды, грядки, спортплощадка для игр. Школа была рядом с отдельно стоящей избой – учительской. Комнаты-спальни в детдоме топились дровами, топки печек выходили в коридор-зал так, чтобы няня, топившая рано по утрам печи, не будила нас.

Детдому выделили два ездовых быка и лошадь. Завхозом был Коржавин Иван Афанасьевич – крепкий жилистый сибирячок в вечной гимнастёрке с одной медалью, кудрявый, с узким птичьим лицом, немногословный, но работающий мужик. У него в подчинении был молодой рабочий Михаил. На быках и лошади Коржавин с Мишкой завозили из города Новосибирска через базу Облоно койки, посуду, пальто, штаны, рубахи, ботинки, одеяло, постельное и т. д. И всё это за двести километров до оттепелей, пока есть зимняя дорога. Единственная остановка была в Паутово, где была перевалочная база, и можно было остановиться с ночёвкой. А продукты питания – хлеб, муку, крупу, соль, сахар и др. детдом получал через Райпотребсоюз в Пихтовке во Вдовинском сельпо.

Наступало первое моё лето в детдоме. Зеленый ковёр трав и деревьев так и прыскали в глаза своей свежестью! Всё цвело. Мы радовались, преодолев эту жестокую зиму. Радость и веселье охватили всех: перемены в жизни к лучшему, новые люди, новая обстановка вокруг – всё это поднимало настроение. Нас замечали, мы были кому-то нужны, о нас заботились.

Везде висели портреты Сталина, даже в прачечной, куда мы теперь ежедневно ходили, и мы с благодарностью смотрели на них, радуясь вместе с матерью, которая говорила:

– Это всё он – дети! Сталин наш вождь! Это он спас вас! Если бы не Сталин, вас бы не поместили в детдом, и вы бы погибли от голода! Молитесь на него и помните всю жизнь!

– Мама! Но нас же спасла учительница Ольга Федосеевна! Ты же сама говорила.

– Да! Она непосредственно вывезла вас из телятника в больницу. Но она же депутат. Кто ей подсказал, что надо так поступить? Сталин, дети! Она живёт по его заветам.

Детдом нам понравился сразу. Его порядки, дисциплина, много друзей и товарищей – всё было интересно. Утром по команде вскакиваем с чистой постели на деревянный выскобленный пол, выбегаем на зарядку в зал, а по теплу во двор, затем умываемся, прибираем постели, строимся в колонны по группам и с песней в столовую. Ефимия Фёдоровна Лукушина – наш воспитатель. Бойкая, рыжеволосая, всегда весёлая, кричит:

– Дети, по ранжиру становись в колонну! Окишев! Ты самый высокий – первый! Шагом марш! Запеваем! Дети, все дружно подтягивайте!

И начинает громко и задорно:

*– Жил в Ростове Витя Черевичкин. В школе он отлично успевал.
И в свободный час всегда обычно голубей любимых выпускал.
Голуби, мои вы милые. Улетайте в солнечную высь
Голуби, вы сизокрылые. В небо голубое унеслись.*

Затем обязательно начинает свою любимую:

*– Ой, при лужке, лужке, лужке – на широком поле.
При знакомом табуне – конь гулял по воле.*

Всем сразу становится весело. Мы возбуждаемся, громко поём про то, как «красна девка встала, сон свой рассказала, правой ручкой обняла и поцеловала». Надо ли говорить, как и я полюбил русские песни, которые разучивали мы с воспитательницей! Разгорячённые песней, весёлые, мы по команде садимся за длинные рубленые столы и начинаем уплетать вареную свёклу, обваленную в жареной ржаной муке с подливой. Затем следует сладкий чай.

После завтрака наш инструктор по труду Шмаков и воспитатели распределяют всем обязанности. Часть старших отправляют на кухню к поварам помогать убирать, мыть посуду, чистить картошку, дрова пилить – колоть и т. д. Нескольким старшим девочкам главный повар рассказывала и учила, как готовить все блюда немудрящей детдомовской кухни. Малыши оставались на попечении двух нянь.

Летом обычно дети круглыми днями были на спортплощадке. Ну, а все остальные отправлялись на работы в приусадебном участке, где на грядках выращивали овощи для себя. Позже стали под руководством Шмакова и пионервожатых выезжать на сенокос. Для двух быков и лошади надо было накосить 120 центнеров сена.

Покосы были на Уголках – в девяти километрах от Вдовино (ранее там был хутор). Для старших воспитанников Коржавин сделал на колхозной кузне маленькие литовки, а остальные переворачивали, гребли, метали в копны сено.

Осенью весь детдом – от мала до велика, работал на колхоз. Собирали колоски ржи на полях, дёргали лён, турнепс, свёклу и брюкву, копали и собирали картошку, горох, сгребали и грузили солому. Трудовое воспитание вошло в нашу детдомовскую жизнь с первых дней. Ну, а зимой все учились, занимались в кружках по труду, рисованию, пению, танцах и в художественной самодеятельности.

Вечером перед отбоем в зале проводилась линейка. Выстраивались все отряды, проводилась переключка лично самим директором. Первого директора Ядовинова Ивана Григорьевича мы любили и не боялись. Это был добрый, лопухий, курносый, с неизменной чёлкой и улыбкой дядька с бельмом на левом глазу. Переключку закончит, улыбнётся:

– Так! Все детки присутствуют? Никто не потерялся? Это хорошо. Драк не было? А я знаю всех хулиганчиков – мне докладывают. Но ничего, я думаю – ребятки исправятся. Не будем их наказывать. Как все поработали? Устали? Ничего, сейчас отоспитесь. Спокойной ночи, детки! Разойтись!

Но вскоре доброго Ядовинова сменил злой Микрюков и мы все это почувствовали. Борис Дмитриевич всегда был аккуратно одет в костюм с галстуком (это в глуши-то!). В то время, кроме него, в деревне никто не носил галстуков. Молодой, крепкий, черноволосый, красивый мужчина с широким лицом, неизменно холодный и строгий в обращении со всеми – он внушал

мне страх. В первый год я не попадал на тяжёлые работы (шёл девятый год) и у меня было сравнительно много свободного времени.

Плохое в жизни быстро забывается, и я привык к детдому. Кроме того, был необычайно хулиганист, энергичен, криклив и драчлив. Я с такими же друзьями убегал от воспитателей и пропадал целыми днями на пруду, речке, болотах, в лесу и к вечерней поверке прибегал весь исхлостанный, ободранный, в синяках, с вечно мокрыми и грязными до колен штанами. Только в зале опомнишься, глядя на себя – грязнулю, и спрячешься в самом заднем третьем ряду за товарищами.

Но Микрюков с первых дней «раскусил» меня. На общем построении кричит:

– Углов, Алихнович, Захаров, Желонкин, Воропаев – три шага вперёд! Арш! Кругом! Посмотрите, товарищи воспитанники на этих лоботрясов! Государство их одевает, обувает, кормит, учит. Чем они отвечают на заботу государства? Чем они отвечают на заботу о них товарища Сталина? Как вам не стыдно! После отбоя все будете мыть зал! Всё! Разойтись!

После его нравочений и «распеканий» я давал себе слово:

– Всё! Больше не полезу в болото, в воду и грязь! Завтра надо прийти на поверку сухим!

Но приходил вечер и я с ужасом оглядывал себя: штаны опять порваны и захлюстаны ещё выше, чем вчера.

Мы ежедневно забегали к матери в прачечную, провалившуюся до окон от ветхости избу. В прачечной сыро, грязно, темно, копать на стенах, всё в дыму, пару. В ванне на ребристой алюминиевой доске водой с чёрным мылом целыми днями мать ширкала бельё, стирая до крови пальцы на руках. Затем сушила его на верёвках во дворе и гладила паровым утюгом.

Глава №2 Первая учительница

На чердаке прачечной под соломенной крышей с маленьким окошком я с братом и с приятелями Нестеровым и Тырышкиным организовали «тайную явку», куда приносили остатки с обеда – кусочки хлеба и сахара, картошку и морковь с детдомовских грядок. Мы готовились к побегу из детдома. На чердаке развешивали на верёвке и сушёных гальянов – чёрных, похожих на пескарей рыбок. Их мы вылавливали в соседнем пруду на мордушку, украденную у кого-то из местных сибиряков. По одному, чтобы никто не заметил наш «штаб», мы пробирались на чердак, выгружали из карманов добытое, осматривали и проверяли запасы, шептались, строили планы побега из детдома. Самый старший из нас – Тырышкин, наконец, назначил дату побега:

– Завтра вечером после отбоя не спать! Как все задряхнут, тихо собираемся и выходим. Пусть поищут нас! Пусть Микрюков позлится!

Стемнело. Все собрались у прачечной, забрали все запасы, вышли за деревню, обошли пруд и с обратной стороны детского дома, стараясь не ломать камыш, гуськом вышли на сухой островок – пятачок в камышах, который присмотрели ранее. Было необычайно тепло, тонко звенели комары, но нам было не до них, мы радовались свободе. Нарвали камыша, зарылись в него и всю ночь проговорили обо всём, глядя на яркие звёзды в небе. Талик Нестеров философствовал:

– Видели, как у магазина гуляют фронтовики? Целыми днями пьют, ругаются, дерутся, а потом обнимаются. Я слышал, один говорил, что война в Германии и Японии не закончилась. Там против наших воюют бандеровцы – лесные люди, и какие-то харакеристы, что ли, привязанные цепями. Давайте в следующий раз накопим больше припасов и убежим на войну помогать нашим?

Мы все дружно поддержали его. Жизнь была прекрасна – она только начиналась! Мы мечтали, строили планы, было удивительно хорошо, мы клялись в вечной дружбе и верности! Где-то рядом ухал филин, тонко бормотала сплюшка, на воде слышны были постоянные всплёски – это щука гонялась за карасями. Под утро мы уснули. Только к середине дня мы услышали, как ищут нас, кричат вдалеке и даже стреляют из ружья. Так мы прожили два дня, а на третий, когда кончились припасы, мы вышли на расправу к «дирику». Микрюков просто неистовал, собрав весь детдом на экстренную линейку:

– Хулиганьё! Ишь, что удумали! Как вам не совестно смотреть в глаза товарищей, которые два дня искали вас? Всех четверых в карцер! Без ужина! Завтра всех на Уголки! Лишаю ежемесячной конфеты!

Это было уж слишком! Мы окончательно невзлюбили Микрюкова. О конфете мы все много говорили, мечтали, когда подойдёт первое число. На торжественной линейке каждому воспитаннику вручали эту блестящую, крупную – весом 100 грамм конфету в обёртке из хрустящей, жёлтой, с переливом, бумаге. Твёрдая, сладкая до изнеможения, коричневая конфета – и вдруг лишиться такого удовольствия?

Ну, ладно. Хмурые, угрюмые мы на телеге приехали на следующий день на Уголки. Поразила высокая, выше нашего роста трава. Красота неописуемая! Цветов уйма, гудят пчёлы, шмели, воздух напоен ароматом подсыхающего сена. Поляны и лес чередуются и уходят к горизонту. Всеми листьями шумит осинник. Лакомимся черёмухой, кислицей и уже поспевающей малиной. Спим в огромном шалаше – стоге сена, готовим обеды на костре, носим воду из ручья, помогаем мыть посуду, убирать, ворошим, переворачиваем сено. Вечерами сидим у костра, взрослые что –нибудь рассказывают. Запомнился рассказом Шмаков:

– Видели? Ходит здесь много медведей – следы кругом, кал свежий. Они сейчас сытые и избегают людей. Вот в прошлом году был со мной случай. Как-то утром решил рано утром, пока все спят, нарвать ведро малины. А малинники здесь кругом, видели, огромные. Есть в двух-трёх километрах отсюда один огромный сплошной малинник. С полкилометра шириной и уходит далеко-далеко в тайгу! Так вот, пошёл я подальше за ручей. Попил водички, пошёл вдоль ручья, собираю малину. И вдруг на повороте – бац! Лежит мишка, правда, небольшой первогодок, должно быть, и спит, не слышит меня. А спит так сладко, аж хрюкает! Дай, думаю, напугаю его. Как заору изо всех сил, застучу палкой в ведро! Он спросонок, как сиганёт рядом со мной! Еле успел отскочить! А он бежит быстро и от страха оправляется – поносит! Я сам очухался, и давай хохотать!

Мы все тоже рассмеялись, но все дети подвинулись поближе к костру, со страхом поглядывая в черноту леса.

К концу недели из Вдовино приехала подвода. К телеге на верёвке был привязан крупный бычок. Детдом купил его у колхоза для нас, т.к. все запасы на покосах закончились, и осталась только картошка. Сторож сельпо Вахонин привёз его и сразу же привязал бычка к дереву. Коржавин с Мишкой положили осиную оглоблю на спину бычка, а сторож приставил большой нож между рогами сверху и вдруг резко, с криком, ударил другой рукой по черенку ножа. И почти мгновенно бык упал на передние ноги, а Коржавин и Мишка придавили оглоблей и повалили быка наземь. Вахонин также быстро перерезал горло бычку. Я от страха забежал в шалаш – меня бил озноб. Мне было жаль бычка, я отказался от аппетитного ужина, всю ночь не спал, ворочался и кричал. Наутро тот же Вахонин отвёз меня назад в детдом в медизолятор, т.к. Шмаков решил, что я серьёзно заболел. В медизоляторе приветливая и ласковая медсестра ощупала, простукала, расспросила меня, засунула под мышку блестящий термометр, напоила какими-то лекарствами, и я на следующий день был, «как огурчик»!

Мне шёл девятый год и, наконец, с опозданием, я пошёл в первый класс! С этого дня в мою жизнь надолго – на семь лет, вошла первая моя учительница и спасительница Ольга Федосеевна Афанасьева. Круглолицая, полненькая, с необычайно добрыми глазами, в неизменном сером, в полоску костюме. Первые четыре класса она преподавала практически все предметы: учила писать, читать, рисовать, учила арифметике и чистописанию, учила жизни, открывала глаза в необъятный мир.

Обычный школьный день первого класса. Чистописание. Сидим, высунув язычки, трудимся – выводим палочки, затем крюочки, а в завершение, через три месяца, первые буквы. Ольга Федосеевна ходит между рядами, заглядывает каждому в тетрадь и монотонно приговаривает:

– Ровнее, ровнее. Не забываете про наклон палочек. Шестаков! У тебя крючки слишком большие! Вспомни свой крючок на удочке! Дети! Не спешите! Помните, что сейчас закладываются основы вашего письма. Будете неряшливы, и почерк будет у вас всю жизнь корявый!

А уже через три, четыре месяца другой разговор:

– Правильное чистописание – залог успеха в жизни! Сегодня начинаем писать буквы и слоги, изменяя нажим пера. Посмотрите на образец! Видите, как красиво написана фраза! В начале буквы и в конце – потоньше, т.е. волокнистая линия, а серединка толстая – будете нажимать сильнее перо.

И опять месяца два Ольга Федосеевна заботливо учит нас:

– Волокнистая, нажим! Нажим, волокнистая!

Именно с этих первых уроков практически у всех, в конце концов, получился красивый почерк. Просматривая через десятилетия свои детские дневники (а их было семь больших

толстых тетрадей), я поражаюсь, какой красивый почерк был у меня. Да и у Шурки ничуть не хуже! Так ли сейчас учат детей? Нет, конечно! И учителя и ученики теперь другие – гораздо хуже! В этом я твёрдо убеждён!

Учёба давалась мне легко – я был в отличниках без особого труда. Ко мне Ольга Федосеевна, мне кажется, благоволила больше всех! Выделяла, постоянно хвалила, впоследствии назначила председателем Совета отрядов пионеров. Кстати, запомнилось, как нас принимали в пионеры. Хором выучили:

*– Как повяжут галстук, береги его!
Он ведь с красным знаменем цвета одного!*

Помню до сих пор торжественные сборы, дробь барабанов. Ольга Федосеевна командует: – Звеньевым! Сдать рапорта председателю!

Звеньевые подходят ко мне по очереди и коротко докладывают свои рапорта (сколько пионеров в отряде, нет ли происшествий, больных, отличников и отстающих и т. д.) :

– Рапорт сдал!

Отвечаю:

– Рапорт принял!

Я с поднятой рукой в пионерском приветствии, чеканя шаг, на виду отрядов иду к любимой учительнице и, задыхаясь от восторга и волнения, докладываю сводный рапорт.

Легко и быстро научившись читать, я очень полюбил книги и постоянно бегал в детдомовскую библиотеку. Ольга Федосеевна всегда на уроке литературы заставляла всех по очереди читать небольшие абзацы из произведений русских писателей, но больше всех доверяла мне, т. к. я научился читать с выражением. Мне нравилось, что весь класс, притихнув, слушает моё чтение и от волнения мой голос звенел. Сам же искоса поглядывал на одну одноклассницу – Нину Суворову, которая нравилась мне.

Глава №3 Мистика

Пришла очередная зима, но в детдоме было сытно, хотя и не было мясных блюд, и интересно. На небольших верстаках старшеклассники пилили, строгали, мастерили скамейки, столы, бочки, лыжи, сани. Девчонки постарше в другой комнате долгими зимними вечерами шили, латали одежду, вязали. Здесь же инструктор по труду Шмаков с помощником ремонтировали, подшивали наши валенки – пимы. Для самых младших была комната, где мы художничали, вырезали из бумаги картинки, фигурные детали, колечки, раскрашивали их, готовясь к первому в моей жизни Новому году. Ну, и по графику выполняли свои обязанности по уборке, дежурстве на кухне, пилили, кололи дрова, убирали и расчищали дорожки от снега, который выпадал практически ежедневно.

Новая воспитательница Жигульская Мария Георгиевна вовлекла меня в художественную самодеятельность. Мы разучивали танцы: Па де Грас, Краковяк и Русский танец, готовясь к Первомайскому концерту. Всю зиму мы тренировались, и всегда Марина ставила меня во второй паре за своим сыном Вовкой. Я ещё не догадывался, что Вовка станет моим основным другом и соперником на многие десятилетия и, пожалуй, ни один из моих друзей во всей жизни не оставит у меня так много впечатлений, размышлений и подражания. Вовка был польских кровей (отец поляк, мать русская) и очень этим гордился. Вовка – красивый, сероглазый, светловолосый, гордый и прямой, как столб. Он холодно выводил «па» с изящной и симпатичной Ниной Суворовой, которая очень нравилась мне. Я же за ним терпел, сопел и ненавидел идущую со мной в паре белобрысую, некрасивую Зинку Зиновьеву. Нина также чувствовала ко мне симпатию. Я это ощущал по её взглядам и ей, видно, было страшно неприятно, как высокомерно обращался с ней Вовка. Мы уже довольно прилично научились танцевать – я до сих пор помню и могу исполнить начало Па де Граса.

И вот он – праздник, и мы выступаем! Причёсанные, в белых рубашечках и чёрных брючках, а девочки все в белом – мы волнуемся, и надо уже становиться в пары (всего их четыре). И вдруг Суворова, глядя смело в лицо Марины, заявила:

– Мария Георгиевна! Я не буду танцевать с вашим сыном. Поставьте меня в паре с Колей!

Мария Георгиевна сначала опешила, затем начала убеждать Нину:

– Ниночка! Как ты не можешь понять – всё может сейчас поломаться. Вы же привыкли друг к другу! Надо было раньше сказать мне об этом. Сейчас занавес откроется – не упорствуй, Нина. Я тебя очень прошу!

Но Нина настаивала на своём. Вовка вспыхнул и закричал нервно:

– Мама, пускай идёт в паре с кем хочет! Коза-дереза! Возомнила из себя красотку!

Занавес раздвинулся. Марина кивнула Суворовой, сдавшись. Мы быстро стали в ряд. Я сначала разволновался, смешался, покраснел, и сразу было забыл весь танец. Взялись за руки. Пяточка, носок, правой два раза, притопнули обеими ногами, и пошли по кругу весело и задорно под гармонь. Я весь сиял, Нина тоже улыбалась, а во второй паре злой Вовка швырял угрюмую Зинку, и всё старался наступить нам на пятки.

Жизнь в детдоме кипела, бурлила. Подъём, зарядка, умывание холодной водой во дворе из трубы, в которой сделаны самодельные соски-краны. Затем санитарный осмотр, где придирчивые дежурные девчонки обязательно проверят заправку постелей и заставят переделать, если сделано неряшливо. Затем проверят и самого – как одежда, обувь, ногти, стрижка. Перед входом в столовую ещё раз покажи руки ладошками вверх и вниз. В столовой тоже не шуми, не кричи, а то выгонят, и будешь голодный до обеда. Порции очень маленькие, а так ещё хочется поесть свеклы, обжаренной в чёрной муке или макарон на маргарине. Затем учёба,

а после занятий обязательный общий хор, на котором Лукушина разучивала с нами новую песню про Ленина и Сталина:

*Ой, как первый сокол, Со вторым прощался, Он с предсмертным
словом
К другу обращался...*

Затем обед, зимой «мёртвый час», два часа труда и перед ужином личное время – самое долгожданное, когда можно было исчезнуть от воспитателей во главе с вездесущим Микрюковым.

Наступила весна, и везде надо было мне побывать, т. к. уже места становились знакомые, обжитые. Шмаков поручил нашей группе ремонт и изготовление новых скворечников – их наделали больше тридцати. Я впервые в жизни изготовил сам скворечник, повесил его рядом с детдомом на дереве так, чтобы можно было наблюдать за ним из класса. С этих пор началась моя любовь к скворцам, которая не прошла и сейчас. Опять начались лесные палы-пожары, опять меня тянула речка с её ледоходом, пруд с его кишашими чёрными гальянами, мельница с водопадом, мокрые луга, кочки и лес, стеной подступавший к детдому со стороны Уголков. Возвращался мокрый, грязный, исцарапанный.

И вот уже опять эта проклятая линейка, где никак не ускользнуть от директора. Руки и ноги опять покрылись цыпками. Кожа покраснела, потрескалась, из рубцов сочилась кровь. Тихая и добрая няня ворчала, смазывая солидолом мои раны:

– Вот пострел, что натворил! Эк, угораздило! Где же тебя так носит? Зачем ты лезешь в воду? Смотри, что творится с руками, ногами?

– Ой, больно! Не надо так! Тихо, тише, очень больно!

– Всё, всё! Не дёргайся! Сейчас только перевяжу ноги вот этими кусками простыней. Старайся не елозить ногами, чтобы ночью не сорвать. К утру заживёт.

И, правда, утром было значительно легче. Но наступал день, опять всё забывалось, и я с друзьями лезли в пруд за мордушками, выслеживали лягушек и их икру между кочками в болотах. Лягушечья икра висела крупными шарами между кочками, и мы любили ею кидаться в тёплой воде так, что к вечеру остатки икры были в ушах, на голове и на одежде. В лесу плюхались с высоких кочек, оступаясь, когда зарили гнёзда сорок и ворон. Опять я начал получать выговоры и наказания от Микрюкова, и моя мечта попасть в поход со Шмаковым на озёра рухнула. Шурка стал писать стихи и маленькие рассказы в стенгазету – его стали хвалить.

К матери в прачечную мы забегали теперь реже. В тесном помещении всегда был пар, душно, влажно. Бельё везде лежало горками – и стиранное и грязное, мокрое, глаженое. Пахло щёлоком, мылом и дымом от печки. Мать заученными движениями на ребристой доске «ширкает» бельё правой рукой, придерживая левой снизу бельё и доску. Мыльная пена накапливается, и мы хватаем её, пускаем пузырями. Зимой интересно было наблюдать, когда мать заносила мороженое бельё, которое топорщилось, занимало всю комнату. От белья исходил приятный свежий запах. Мать жаловалась, плакала, трясла озябшими руками и совала их к печке, ругала ужасный мороз и всю эту «проклятую жизнь». Поплакав, начинала нас угощать чем-нибудь немудрящим – картошкой, овсяным киселем, хлебом с комбиджиром. Жаловалась, что Микрюков её «заедает», придирается, возвращает часто в повторную стирку абсолютно чистое бельё, унижает её досмотрами, ревизиями и проверками; маркирует каждый кусок мыла по нескольку раз в день. Ей трудно обстирывать почти 200 человек, а помощницу он не даёт, но зато следит,

чтобы она не «ходила и не ела на кухню». Было жалко её, больно было смотреть на её слёзы, а иногда, после её громких причитаний навзрыд мы и сами ревели.

Как-то мать встретила меня встревожено и со слезами:

– Коля, сегодня ночью меня чуть не задушил домовый!

– Как это?

– Легла поздно ночью, много было стирки. Перед тем, как ложиться, вышла на улицу. Ти – и – хо в деревне, даже собаки не лают. Только полная луна ярко светит, бледно – бледно всё вокруг. И так что-то жутко стало мне от этой луны. Вошла назад, в сенцах крючок накинула, и только дверь в прачечную открыла – вдруг как загремит таз с печки! Затряслась, испугалась я сильно – с чего это он упал? Никого же не было! Кошку я не держу, кто бы это мог таз уронить? Потушила лампаду и быстрее на лавку – постель у печи. Накрылась с головой старой дохой, что дал Вахонин. Лежу, дрожу и вроде стала засыпать. И вдруг явственно слышу, вроде, спрыгнул босиком кто-то с печки. Мне жутко – страшно кричать, не кричать? Ой, боже мой, шаги. Ти – и – хо идёт ко мне. Вот уже близко... дыхание, медленно ложится рядом, легонько отталкивая меня. Сковало всю, оцепенела от страха, а руки волосатые, холодные тянутся к горлу и сжимают, сжимают всё сильнее. Заорала, закричала я и сверхъестественным усилием сбросила огромную тяжесть домового. Исчез он, и только за печкой раздалось – КХУУУУ! Проснулась я, зажгла лампаду, трясусь, оделась и убежала из прачечной ночевать к подруге. Колечка! Что же делать? Я теперь боюсь здесь ночевать.

Я, как мог, стал утешать мать, а сам опасливо поглядывал на печь:

– Мама! Да это тебе, может, приснилось. И вот что я слышал от местных. Домовых и леших в лесу здесь, правда, хватает. Бояться их не надо – они в каждом доме живут. И вот, если он пристаёт к тебе, надо спросить – к худу или к добру ты здесь, дедушка?

Весна была дождливой, холодной. Но вот нас, наконец, вывели копать, сажать в огороде детдома.

С другом Яшкой мы любили бывать на водопаде. На верхнем пруду стояла деревянная мельница, и был сброс воды через широкий деревянный жёлоб в нижний пруд. Мы любили кидать в жёлоб лопухи, щепки, палки. Интересно было смотреть, как они с высоты трёх-четырёх метров несутся по бурному жёлобу, летят в водопаде, исчезают в глубине и далеко выныривают. Как-то мы бегали-бегали от одного края моста плотины к другому, и Яшка не удержался, заорал, рухнул за своим лопухом прямо в водопад. Я перепугался, закричал – взрослых рядом никого. Яшки тоже нет. Исчез, утонул! Мне стало жутко. Мы же ещё не научились плавать. И вдруг далеко в пене показалась бритая лопухая голова Яшки. Ура! Его прибило к берегу, я побежал и подал руку. Он вышел с полными отдутыми карманами воды.

В эту весну, когда деревья от сока особенно гибкие, мы с Яшкой научились кататься на них. Выбирали стройные, высокие, гибкие вёсла, иву и тальник. Забираешься на соседнее дерево и прыгаешь, стараясь ухватить за самую вершину. Дерево гнётся под тяжестью, и всё быстрее-быстрее летишь с визгом к земле, как на парашюте. Не раз и не два мы падали с Яшкой, когда не считаешь дерево, и оно резко обламывается. Один раз я упал так, что был без сознания несколько минут – не мог никак вздохнуть. Дыхание замерло, больно ужасно, из глаз слёзы, стону. Но вот, наконец, первый вздох! Ура! Жизнь продолжается! Несколько дней после этого случая больно было вздохнуть, грудь, бока болят. Но пройдёт немного времени и опять тянет покататься на деревьях.

Уже перед сенокосом Шмаков выполнил своё обещание. Собрал группу передовиков и повёл в поход за Жирновку, Юрковку и Вершину на озёра. Озёр там было три и расстояние

до них составляло где-то около тридцати километров в один конец. Были одни ребята – всего 12 детдомовцев. Из нашей компании никто не попал (говорят, отбирал кандидатов сам директор). Мы все очень завидовали им. Друг Сашка мне потом всё подробно рассказал:

– Колька, как здорово было! Как хорошо – ягоды, грибы, малина, а рыбалка! Каких карасей таскали! Здоровенные лапти, как из золота – жёлтые! А на лодке накатались по озёрам от души! Один раз Шмаков настрелял нам рябчиков, нажарили у костра – вкусно!

– Сашка, а медведей не видели?

– Нет, но следов полно было. Но вот какое чудо мы видели. Взял меня Шмаков на охоту – на глухаря. Шли долго, глухарей спугивали не раз, даже стрелял он, но не везло – улетали. Шмаков разозлился, что взял в этот раз малопульку, раззадорился, увлёкся, я еле поспеваю по буреломам за ним. Начали плутать, уже было не до птиц. Он начал нервничать – лишь бы к ночи вернуться в зимовье. И вдруг лес раздвинулся. Показалось какое-то новое большое озеро. Шмаков свистнул:

– Эх, куда меня занесло! Красотище! Слышал я от охотников об этом озере! Это же километрах в семи-восьми от нашего лагеря! Хорошо хоть догадываюсь по приметам, куда идти – рассказывали охотники. Ну, Сашок, давай окунёмся, и пойдём быстрее назад! Уж больно красивое озеро! Доведётся ли ещё раз побывать здесь!

– Ну и что? Вот это и есть чудо-озеро?

– Да нет! Слушай! Подошли мы к берегу. А вокруг озера, как воротник у пальто – полоса зелёного мха шириной метров десять. Ноги так и проваливаются чуть не до колен. И вдруг смотрим – от берега пошла какая-то рябь и тень в воде. Остановилась. Пригляделись – в воде бревно. Господи! Да это же огромная щука! Метра два или больше! Глаза жёлтые, злые – с чайное блюдце! На огромной голове древний мох шевелится. Страшно стало мне. А щука-бревно насмотрелась на нас, и тихо-тихо уходит вдоль берега вглубь озера. Мы стояли, как заворожённые. Опомнился Шмаков, схватил малопульку, прицелился в жёлтый глаз щучары – старухи древней и выстрелил. Буря поднялась в воде, как граната взорвалась! Ушла щука! Ждали, смотрели минут десять, даже прошли вдоль берега. Нет, не всплывает! Живая осталась, видно.

– А купались после этого?

– Эх, ты! Смелчак выискался! Даже Шмаков не решился, а я тем более. Попробуй в гости к такой ведьме попасться – утащит ведь!

По вечерам в свободное время иногда собирались на спортплощадке учителя, пионервожатые, взрослые и некоторые младшие воспитанники, рабочие кухни и даже несколько деревенских – поговорить, поделиться новостями, погрызть коноплю, семечки и просто пообщаться. Радио, света, телефона, газет на деревне ещё не было. Все новости доходили через людей, ездивших на быках и, редко, на лошадях в областной город по работе. А первая машина появилась у нас только в 1949 году.

Так вот, заведут взрослые костерок от комаров, вынесет уборщица пару керосиновых ламп, все рассядутся кружком и потечёт тихо беседа. Кто-нибудь спрашивает:

– Фронтовики, расскажите о войне!

Затянутся махрой фронтовики и начинают по очереди рассказывать о прошедшей неслышанной войне, о своих убитых и покалеченных товарищах, о военных страданиях, приключениях и подвигах. Запомнил рассказ Коржавина, как он чудом спасся от смерти. Курит, сплёвывает постоянно и негромко рассказывает:

– Был как-то жестокий бой. Немцы бомбили нас непрерывно – и с воздуха, и миномёты, и артиллерия. Оглушило меня и контузило. Очнулся – наших нет, лежу раненый в глинистой луже в окопчике. Пролежал час или два, чуть очухался, слышу вдалеке разговор. Высунулся – немцы с автоматами наперевес тихо идут. Притворился мёртвым, ещё глубже в грязь залез – только голова торчит над водой. Вдруг, когда немцы уже были рядом, на нос возьми и прыгни

лягушонок. Уселась лягушка, скребёт лапками в самые ноздри – того и гляди чихну. Терплю изо всей силы, т.к. чую – немец на меня смотрит. Пнул он меня сапогом, лягушка спрыгнула, а немец пошёл дальше. А потом меня через ночь спасли наши.

Я любил слушать такие рассказы о войне, прикорнув где-нибудь, чаще всего около Ольги Федосеевны. У женщин уйма других разговоров – о жизни, работе, семье, детях. Спирина Надя рассказывала, как они спаслись от голода с дочкой во время войны, заманивая и ловя собак, кошек, ворон и сорок, которых убивали, варили и ели. Про то, как вырезали печень и сердце у замёрзших китайцев.

Вспоминаю рассказ Татьяниной – молодой красивой женщины:

– А вы знаете, что в нашей деревне живёт ведьма? В самом крайнем доме, как идти на Жирновку, проживает старая бабка Силаиха. Она притворяется больной и немощной, а на самом деле ночами она превращается в чёрного огромного ужа. Он выдаивает, высасывает из вымени соседских коров молоко. Ей богу, сама видела в своём хлеву этого ужа! Висит на сосках, раздувается, а корова плачет.

Инка Пономарёва подхватывает:

– Как-то смотрю: уже поздно вечером забралась к нам в огород огромная чёрная свинья. Чёрти что? Чья она – не знаю! Я её выгнала из огорода, огрела дубиной, гоню потихоньку через ручей от Волковых на край села ко двору Силаевых. Густая крапива, лопухи, конопля и сумрак сплошной. Исчезла вдруг свинья! Куда она делась? Я уже только хотела вернуться назад – вдруг неожиданно свинья показалась рядом, остановилась, повернула голову ко мне и так жутко смотрит на меня. Блеснули у неё глаза огоньком, страшно мне стало, волосы вмиг стали дыбом. А свинья оскалилась, жёлтые клыки покрылись пеной. Я как заорала не своим голосом, и бежать от неё! А свинья за мной! Еле успела заскочить в дом.

Тема ведьм, чертей, домовых, леших была самой неиссякаемой. Я очень любил слушать про всё это – было страшно, но интересно. Причём, все верили в это, и я убеждался не раз, что всё это неспроста. Многим явлениям, о которых я расскажу позже, до сего времени не могу дать оценки.

Глава №4 Будни детдома

Близился Новый год. С удовольствием вспоминаю нашу баню. Средние и младшие группы по очереди раз в десять дней купались в общей бане, которую мы все ждали с нетерпением. Подойдём с песней строем в штольне – дороге среди сугробов снега к бане вечером. Холодно на улице, звёзды зажглись на небе, по деревне лают собаки, скрипят сани, где-то пиликает гармонь. По команде бежим в предбанник, в открытые двери входит пар, ничего не видно. Раздеваемся, деревянные шайки в руки и в баню. Хорошо, тепло после улицы, вода горячая, пар, весело, обливаемся тёплой водой, лупимся мочалками изо льна, по очереди передаём кусок чёрного мыла. Благодать какая! Маленьких воспитанников в баню не водили, а купали в кубовой – внутри детдома была небольшая комната между спортзалом и спальней с туалетом для малышей. В кубовой печка с вмонтированным котлом, в котором грели воду, две лавки и стол. В банный день обычно купание 5—6 летних малышей растягивалось на весь день, т. к. больше двух-трёх нельзя было искупать за неимением места.

Кормили нас неплохо, но мяса не было. За неделю до Нового года охотники привезли к празднику в детдом медведя. Шкура у него уже была снята. Весь детдом высыпал на улицу. В саях на всю длину растянулась туша огромного зверя, почему-то белая. Два охотника возбуждены, рассказывают, как добыли из берлоги зверя. Долго мы не могли успокоиться, вспоминая огромного медведя. Через заиндевевшие окна я часто, сделав дырку во льду языком, смотрел в лес. Оказывается, рядом с нами, в пяти-десяти километрах в берлогах лежат десятки таких же страшных медведей? Спят и сосут лапу.

И вот в спортзале, рядом со сценой поставили большую, до потолка, ёлку. На зелёных иголках все дружно вешали игрушки, изготовленные самими воспитанниками – разрисованные пустые куриные яйца, шишки-человечки, птички, ёжики, картинки из картона, цветные бумажные гирлянды колечек, тряпичные куклы и рыбки, красную морковку и калину, избушки из спичек и бересты, льняные снежинки. Все выступающие в самодельных масках. На сцене читают по очереди стихи и монологи, под гармошку поют песни соло и группами, танцуют и затем ставят небольшой спектакль. В перерывах Дед Мороз со Снегурочкой достают из мешка почту и зачитывают вслух поздравления учителям, воспитателям, отличникам, передовикам труда. Затем начинается карнавал – хоровод вокруг ёлки. За окнами воет пурга, в зале тесно, коптят шесть керосиновых ламп, душно, но всем очень весело! Ложимся поздно, встаём позже обычного, весь день разговоры о празднике.

А на следующий вечер опять чудо – впервые в жизни смотрю кино! Ёлка и кино – всё это новое и необыкновенное! Как прекрасна всё же жизнь!

Крутили какой-то движок до изнеможения два дня старшекласники вручную, меняясь поочерёдно, а на белой простыне, натянутой на стене, лихой Чапай скакал с саблей в руках на беляков. Киномеханик читает громко вслух на весь зал текст. Мы ёрзаем от волнения, видя, как белогвардейцы идут в психическую атаку, а Анка с пулемётом медлит стрелять.

Интересно, весело прошла первая зима в детдоме. И вот уже потемнел снег, в воздухе бродит хмельной ветер, пахнет весной. Меньше спится. Иногда просыпаемся рано, до подъёма, от стука приносимых уборщицей берёзовых поленьев к печке. Переговариваемся с Таликом Нестеровы – койки стоят рядом. Слышно, как загудела печка – тепло пошло по спальне. Ребята все спят. Мечтаем о будущем лете. Договариваемся опять убежать из детдома подальше вдоль речки вверх. Интересно узнать, что там?

В последнее время много разговоров о предстоящей Пасхе. Говорят, что даже обед и завтрак будут лучше, чем обычно. Наконец, рано утром входит в спальню Ефимия и будит всех:

– Дети, вставайте! Сегодня Пасха – воскрес Христос! Быстро выходите смотреть, как солнышко играет и радуется этому событию!

Я не особенно понимаю, что говорит Лукушина, но и раньше мать упоминала Бога. Выбегаем все в коридор, прилипаем к окнам и делаем во льду каждый себе дырочку. Всем воспитанникам Ефимия даёт по стёклышку, закопчённому с одной стороны. Глядим через это закопчённое стекло на кромку леса. Солнце ещё не взошло, но всё ярче и светлее над краем леса. Лукушина подзадоривает:

– Дети! Сейчас будет чудо! Так бывает только раз в десять лет, когда нет туч! Внимание!

Мы дрожим от возбуждения и, наконец, все вскрикиваем – над кромкой леса показался край солнца! И впрямь чудо! Солнце дрожит, подпрыгивает вверх, вниз, как мячик! Это чётко видно через закопчённое стекло. Солнце играет, смеётся, радуется и приветствует детей – пришёл праздник, пришла весна!

У нас в это лето собралась довольно хулиганистая компания. На вечерней поверке только нас разбирали и ругали. Начались весенние палы, и мы часто, увидев из окон класса дым в лесу, без разрешения срывались с урока тушить пожар. Первый, как всегда, кричит Яшка, который плохо учился и постоянно смотрел в окна:

– Ребята! Горит лес! Айда, за мной!

Самые отчаянные срываются с мест. Учительница кричит:

– Что вы делаете? Вернитесь! Всем сидеть! Успокоиться!

Но куда там! Бежим, не слушаем. Особенно часто трава и лес загорались в районе Уголков вдоль ручья за прудами. Прибегаем. Всё в огне, дыму. Начинаем сражаться с огнём, представляя, что мы на войне. Все раскраснелись. Хлещешь ветками по огню отчаянно, одежда в грязи, подгорела, все захлюстаны, т. к. под ногами вода, уже подпалены волосы, пот заливает глаза! Но вот уже неприятель отступает – огонь затухает! Мы победили! Крик, возбуждение до предела! Возвращаемся, все чумазные и обгорелые, чувствуем себя победителями!

Но странно! Нет ни музыки, ни цветов, которыми встречали наших солдат с войны и какие мы видели в журнале перед кино! Мы, оказывается, не победители, а побеждённые, то бишь нарушители дисциплины. На крыльце детдома стоит хмурый директор в окружении воспитателей. Будет взбучка!

В сентябре, октябре занятия в младших классах были через день, т.к. начиналась уборка льна. Старшеклассники же работали ежедневно эти два месяца до снега. Нас водили на Косари дёргать лён. В начале трудовой недели на общую линейку детдомовцев приходили оба председателя колхоза с двумя – тремя бригадами. Они распределяли всех, кому что делать, где, в каком количестве и т. д. Строем уходили через мост вверх по течению Шегарки в сторону деревни Жирновки и через два-три километра приходили к Дегтярному ручью на Косари (когда-то здесь был хутор и гнали дёготь из бересты). Каждому воспитаннику давалась индивидуальная полоска, отмеряли саженом, завязывали пучок льна «от» и «до» – и, давай, дёргай! Ох, и трудно же было тянуть лён из вязкой болотистой почвы, когда тебе всего девять лет и силёнок нет! Одно дело, когда раз – два дёрнул пучок, а надо было наклоняться и дёргать, дёргать сотни, тысячи раз! К концу дня все обессиливали – пучок льна ухватываешь всё тоньше и тоньше. Вот уже в детской измученной, исколотой ладошке три-четыре стебелька льна и те не тянутся, проклятые, из тяжёлой глинистой земли.

Обед привозили в поле. Отобедали и дотемна опять работать! Вечером возвращаемся усталые, ужинаем и сразу отбой – спать.

На следующий день учёба до обеда, затем два-три часа хозяйственные работы на собственном участке детдома за баней – убираем картошку, морковь, капусту. Наконец, наступали долгожданные два часа свободного времени до ужина. Наступала настоящая свободная жизнь! Подбирались компании от трёх человек до пятнадцати и начинали шастать по деревне.

Мы были всегда голодные, и с удовольствием делали набеги на огороды на окраинах деревни, чтобы они выходили к лесу. Воровали горох, брюкву, турнепс, морковь (огурцы уже прошли). Заходим издалека лавой, рассыпаемся и ползком, с затаённым дыханием, пробираемся между жердями забора в огород. Быстрее-быстрее что-нибудь ухватишь, и бегом назад, т. к. уже кто-то замечен. Крик, шум! Хозяин гонится за нами. Летишь кувырком через кочки всё дальше в лес, всё дальше от погони. Затем сойдёмся на поляне, хохочем, рассказываем.

Однажды налетели на горох, увлеклись, зашли в самую середину поля. Шум, крик, визг, не столько едим горох, сколько мнём. И вдруг задрожала земля – аллюром мчит к нам на лошади сторож, свистит, кричит. Вот он, уже рядом! Нас было много. Человек 30 кинулись врассыпную, кто куда. От страха ноги у меня в вязком горохе запутались, упал и не в силах бежать, зарылся вниз в гущу гороха, к самой земле. И вдруг краем глаза увидел, что конь скачет прямо на меня, и ничто не помешает ему раздавить меня. Заорал, завизжал отчаянно. Прямо над собой увидел огромные копыта и дикую оскаленную морду коня, с которой сорвалась пена на мою голову. Умный конь перемахнул через меня – только мелькнуло огромное красное брюхо, а рядом с моей головой гулко ударились в землю задние копыта. Сторож тут же развернулся, наклонился, выхватил меня из гороха, заматерился, посадил рядом с собой. Я дрожал от озноба. Сторож не бил меня, но страшно матерился:

– Чертяки! Нечисть! Навязались на наш колхоз! Грёбанный детдом! Одни воры и хулиганы! Наши дети все трудятся день и ночь, а эти только проказничают!

Галопом отвёз меня в детдом и сдал Микрюкову. Ох, и был же мне разнос на линейке! Директор приказом лишил меня просмотра очередного – второго в моей жизни фильма «Свинарка и пастух», из-за чего я разревелся перед строем.

И вот назло Микрюкову мы снова решили бежать из детдома! Лён дёргать осточертело, и мы решили отдохнуть этим же составом. Шурку я звал, но он рос послушным и дисциплинированным мальчиком и отверг моё предложение. Убежали в сторону Жирновки за два-три километра от детдома. Недалеко от Косарей мы ещё раз насладились полной свободой. Забрели в самую гущу высоченного конопляника, выломали, выдергали в середине полянку, обмолотили коноплю, а из стеблей сделали шалаш. Днём мы принесли с колхозного поля много картошки, а вечером разожгли костёр и пекли её. На листе жести жарили коноплю и с большим удовольствием хрумали её с жаренной рассыпчатой картошкой. Есть ли что на свете вкуснее этой необыкновенной еды? Было очень здорово. Кругом темнота, немного жутко, снопы искр летят далеко вверх. Мы все, покрасневшиеся, сидим и уплётаем горячую картошку с коноплей. Нам весело, все что-то рассказывают и беспрерывно хохочут. Мечтаем, строим планы на будущее, вспоминаем, как сейчас мечется зловредный Микрюков. Надо спать уже, но очень всем захотелось пить, и мы пошли к речке. До чего же жутко ночью в высокой – в два роста человека, конопле! Таки кажется, что где-то блеснули глаза волка или медведя! Глухо шумит, шевелится, пугая, стена конопле. Забились в шалаш, прижались друг к другу, заснули. Ночью дрожим от холода, весь день проспали. К вечеру решили сами возвратиться в детдом, т. к. страшно всем стало ночевать вторую ночь вдалеке от деревни. Всем четверым опять объявили выговор, лишили конфеты и очередного фильма «Подвиг разведчика».

В октябре, уже перед самым снегом, Шмаков повёл всех воспитанников через пустое поле за детдомом к скирде соломы. На зиму мы делали себе новые постели. Старую труху из матрацев и наволочек выбили, а затем заново набили свежей соломой, сильно утаптывая и уплотняя. Шмаков за каждым следил, проверял и приговаривал:

– Сильнее, сильнее притаптывайте! Ногами уплотняйте так, чтобы матрац был круглый, как бочка! Зима долгая. Кто поленится – спать будет к лету на трухе.

Затем, когда все управились, он разрешил побаловаться в скирде соломы. Что тут началось! Мы залазили на скирду и скатывались вниз! Это не забывается никогда! Веселье, крик, шум, визг девчонок, охи и стоны от ушибов! Старшекласники ловили мышей, коих было множество в скирде, вставляли в задний проход соломинку и надували их. Мышь раздувалась до круглого шарика и не могла бежать. Все хохотали и издевались над бедными мышками. Затем Шмаков привёл нас в детдом, выдал каждому по иголке, нитке и заставил прошивать матрацы особым способом. Ухватываешь ровный слой соломы и обшиваешь его нитками по периметру так, чтобы получилась идеально ровная поверхность, как стол. Затем с другой стороны матраца. При заправке все постели в комнате были ровные и это красиво смотрелось. Первое время, пока не примнётся туго набитая солома, было очень трудно спать. Некоторые матрацы были даже выше спинок кроватей и дети падали во сне с кроватей. А ближе к весне матрацы у всех становились такими тонкими, что панцирную сетку боками чувствуешь.

глава №5 Последний год в детдоме

Это четвёртое лето в детдоме было особенно дождливое. Нас замучили, загоняли на прополку. Осот и пырей подавили все поля, и мы ничего не могли поделать. Не было тепла, всё вокруг промокло, на деревне не проехать – дороги развезло. В этом году на полях был неурожай, и весь детдом кинули на уборку колхозных полей. Мы не учились до 7 ноября и убирали лён. Воспитанники постарше дёргали лён, а девчонки за нами вязали и ставили его в сула. В редкие минуты отдыха любил я залезть в лён подальше. Ляжешь, тебя не видно и ты никого не видишь. Чистый лён звенит бубенцами, голубые запоздалые цветочки очень красиво смотрятся в пшеничном, загорелом, поспевшем льне. Высоко в небе кружат коршуны, тело гудит от усталости. Как хорошо! Лён убрали быстро и нас начали водить на уборку колосков – это уже было легче. Идём по полю, растянувшись цепочкой, наклоняемся и кидаем в фартуки колоски, а их много оставалось после уборки. Шелушим рожь в ладошках, жуём. И так ходили по полям до первого снега – десятки центнеров хлеба сберегли товарищу Сталину! (так говорил Микрюков).

Пришла зима, начались занятия, я успевал – учился хорошо. Жигульская предложила нам с Таликом Нестеровым участвовать в драмкружке. Первая пьеса была про партизан. Я с Таликом играл в массовке и в первый раз не проронил ни слова. Мы «выслеживали и ловили» Вовку Жигульского. Он играл роль главного фрица – офицера. На нём была фуражка с яркой кокардой и настоящий военный комбинезон. Вовка был ослепителен, громко кричал по настоящему немецкому языку, был нагл и смел, «вешал партизанку» – мою симпатию Нину Суворову, стрелял из чёрного ручного пулемёта и «убил» нескольких детдомовцев. Зал негодовал от его злодеяний, и буря восторга поднялась, когда «немецкого офицера» поразила пуля нашего «партизана», и Вовка долго извивался, «умирая» на сцене.

Во второй пьесе я играл уже одну из основных ролей – завхоза детдома. Меня загримировали. Брови, борода из пакли, парусиновый костюм и фуражка, сапоги. Ко мне подбегает Нина Суворова – она «уборщица» детдома и жалуется:

– Товарищ завхоз! Последняя кочерга сломалась. Что делать? Мне нечем выгребать золу из печек. Напишите заявление директору детдома, чтобы он отпустил мне хотя бы одну новую кочергу.

Я отвечаю:

– Конечно! Вы правы. А почему только одну? Вам сколько комнат надо топить? Выпишем несколько, чтобы с одной кочергой не ходить по спальням.

Кричу громко «случайно пробегающему мимо» маленькому детдомовцу:

– Малыш, сюда! Спину!

Он подбегает и под смех зала подставляет, согнувшись, спину. Я достаю из портфеля бумагу, ручку, надеваю очки, строго смотрю в зал, и вслух начинаю «писать заявление» директору детдома:

– Прошу отпустить мне пять коче... рё.. Нет – нет! Коче... ры.. Нет – нет! Коче... ргов? Коче.. че.. рыжек? Коч..чч.. ерёг?

В орбиту моих страданий втягиваются «проходящие мимо» воспитатели, учителя. Каждый подсказывает своё решение. В зале хохот, когда все растерянно повторяют хором неуклюжее слово и не находят решения. Выручает всех опять «маленький детдомовец». По-моему, был успех.

Нина Суворова с пафосом читает Маяковского. Но вот на сцену выходит Вовка Жигульский. Прищуривается и, гордо вскинув голову, начинает:

– Старик! Я слышал много раз, что ты меня от смерти спас...

Зал замолкает, все вслушиваются – читает Вовка великолепно! Просят долго-долго ещё почитать и Вовка соглашается. Но это уже другой Вовка! Настоящий артист! Притихнув, погрузившись, он нежно смотрит на сидящих в первых рядах девчонок:

*– Опять я тёплой грустью болен от овсяного ветерка.
И на известку колоколен неволью крестится рука.
О Русь, малиновое поле и синь, упавшую в реку
Люблю до радости и боли твою озёрную тоску...*

Девчонки тают от Вовкиного взгляда, заглядываются на него, а он опять становился независимым, сдержанным и холодным со всеми.

На уроках Ольга Федосеевна много нам читала Некрасова, Тургенева, Пушкина и Лермонтова, прививая любовь к русской литературе и русскому языку. Каждый ученик ежедневно читал вслух всему классу отмеченный ему учительницей абзац, а остальные следили за текстом – и это всем нравилось. На её уроках никто не шалил, даже мой друг Яшка.

Летом Шмаков со старшеклассниками значительно обновил спортплощадку перед детдомом. Сделали турники, городошную площадку и поставили длинную наклонную лестницу. Она опиралась на два гладких вертикальных столба, вкопанных в землю. Это сооружение особенно понравилось мне. По столбам забиралась наверх, испытывая силу, гибкость и ловкость, т. к. без сноровки, чуть поднявшись, сразу скользишь и падаешь вниз. Притом это делают сразу двое. Это уже соревнование, кто быстрее долезет до верха. Ну, а мне полюбилось ещё больше подниматься к верху лестницы, перебирая руками перекладины и подтягивая своё тело. Доберёшься до самой вершины – высоко! Страшно вниз смотреть – метров семь! Около этой лестницы вечерами мы крутились, набираясь силы и ловкости. Это были первые задатки спорта, которому я уделил впоследствии полжизни!

Ну, а старшеклассники играли в городки, которые я очень тоже полюбил, повзрослев. А на двух турниках постоянно толпились подростки, подтягиваясь, кто больше и выполняя «склёпку». Девчонки же играли в свои неизменные «догоняжки», «классики», прятки и «карусели».

Вечерами зимой при свете шести керосиновых ламп в большом зале под гармошку проводились репетиции танцев. Усядемся с Таликом и Шуркой где –нибудь в тёмном углу и смотрим на принаряженных девчат и ребят. За окном метель глухо воет, а в зале тепло, уютно, светло. Бойкая, весёлая Ефимия Лукушина прихлопнет ладошками, призывая к тишине, обернётся к Мишке:

– Начинаем! Все готовы? Гармонист – русскую плясовую!

Растянет меха Мишка и польётся раздольная русская певучая мелодия. Впереди выступает чернобровая красивая Валька Цалко, за ней черноглазая красавица Нина Суворова и другие подружки. Притопнув сапожками, навстречу движутся ребята. Плавно и строго, затем весело и задорно идёт перепляс. Незаметно протекает время до самого построения на линейку. После отбоя подвинем все койки вплотную и шепчемся, обсуждая прошедший день и намечая планы на будущее.

В начале февраля 1949 года в детдоме произошли события, опять круто изменившие нашу судьбу. Директор всегда мелочно опекал каждого воспитанника (это я чувствовал по себе), но особенно туго приходилось его непосредственным подчинённым – учителям, воспитателям, рабочим кухни и двора. Дошла очередь и до нашей матери. Тёмной холодной ночью резко постучали в низкую дверь прачечной. На загнетке печки нашли излишний чёрный обмылок, пол литровую банку комбижира и детдомовскую скатерть на столе. Микрюков выгнал мать из детдома, самолично записав в трудовой книжке – «ЗА ВОРОВСТВО!», а заодно и нас с Шуркой.

Впоследствии, мать вырвала этот листок из трудовой книжки, чтобы не позориться, но это ей стоило почти четыре года стажа и ей пришлось уходить на пенсию значительно позже. Мать плакала навзрыд, кричала, валялась в ногах у директора, но он был неумолим. На следующий день Микрюков лично проследил, чтобы с нас сняли до исподнего всю детдомовскую одежду. Ему это явно доставляло удовольствие, как мы все трое плачем растоптанные, униженные и опозоренные.

Итак, мы сидели полуголые в комнате завхоза, рыдали и не знали, что дальше делать. Опять в нашей жизни наступила чёрная полоса.

Итак, нас выкинули из детдома! Мы сидели полуголые в комнатухе завхоза и ревели. Разгар холодной зимы, на улице метель и тридцатиградусный мороз. Что делать? Мама без работы.

И опять нас спасла моя любимая учительница Ольга Федосеевна. Узнав о нашем горе, она быстро договорилась с одной женщиной и выкупила у неё небольшую пустующую хатку, принадлежащую ей. Учительница приехала к нам на санях, укутала в старую доху и перевезла нас на другой берег реки. Сани остановились перед небольшим домиком (два окна в огород и одно на речку). Распахнулись скрипучие ворота из жердей, по глубокому снегу мы вошли в небольшие сенцы, открыли оббитую мохом и мешковиной дверь – две комнатухи. Еле видно от занесённых снегом окон, холодно. Ольга Федосеевна, прощаясь, сказала:

– Няся, живите здесь. Хата теперь ваша! Как устроишься на работу – будешь потихоньку отдавать мне долг. Копила я деньги – думала себе дом купить, но пока подожду. Я одна, а у тебя дети! Поживу пока при школе – у меня там комната не хуже. А детям твоим, видно, придётся пропустить этот учебный год – как же без одежды и обуви? У меня больше денег нет, а то бы помогла. Ничего, всё обойдётся, думаю.

Мама плакала и пыталась целовать руки учительницы.

Итак, у нас теперь был свой дом. Хоть и небольшой, но свой! Мама вскоре нашла работу – её взяли поваром в больницу. Этот год мы не учились, но на следующий уже были в школе.

Глава №6 Нина Суворова

Наша школа – семилетка. Из всех девчонок в классе мне давно, ещё с детдома, приглянулась Нина Суворова. Это была тихая, но не застенчивая, красивая девчонка с «греческо – еврейским» симпатичным личиком. Её чёрные – со сливу, глаза были необычайно красивы, чистое белое лицо, прямой носик, округлый женственный подбородочек, тёмные волнистые волосы до плеч. На маленькой ладной фигурке всё было к месту. Сапожки осенью и весной, белые пимы зимой, сарафанчик, яркая кофточка. Одевалась она значительно лучше нас и со вкусом. И чем дальше шли годы – тем больше она нравилась мне! Третий, четвёртый классы, вот уже седьмой, а моя симпатия к этой девочке разгоралась год от года сильнее и сильнее. Это была первая в жизни любовь! Сколько часов, дней, ночей передумал о ней, сколько мыслей, дум передумано, и вздыханий, и даже слёз мальчишеских, и драк за неё или просто для неё, чтобы внимание обратила! А песен, сколько разных нежных песен мной пропето! И в каждом слове этих песен – всё о нас двоих, всё о ней, единственной!

Вспоминаю несколько случаев.

– Купались на речке Шегарке все вместе – и ребята, и девчонки. Я полюбил ныряние, т. к. заметил, что дышалка у меня была отменная – я мог продержаться больше всех под водой. Нырнёшь (знаю, что за тобой наблюдают многие, в том числе и Нина Суворова), перебираешь руками по вязкому дну, а ногами молотишь изо всей силы. В ушах звенит, но гонишь усталость и наваливающуюся тяжесть в груди. Быстрее, быстрее и вот уже отталкиваешься ногами, так как головой врезаешься в кочку на противоположном берегу, и всплываешь, жадно хватанув воздух.

– Ого! Как далеко! Перенырнул всю реку! Вот это да! Молодец, Колька!

Это кричит Нина Суворова – и для меня нет лучшей похвалы! Ведь только из-за неё старался и чуть не задохнулся.

– Четвёртый класс окончил с похвальной грамотой – на одни пятёрки!

Выпускной день. Из чёрной тарелки репродуктора на столбе (только что в деревню провели свет и радио) доносились весёлые песни. Было радостно на душе и немножко грустно – прощались с интернатскими ребятами. Кто уходил на лето в другие деревни, а кто и навсегда. Заиграл патефон. Некоторые взрослые начали танцевать, а мы с учителями пошли гурьбой гулять за деревню. Рвали черёмуху и букеты цветов. Все девчонки были в венках, а Нине Суворовой он особенно шёл к её лицу. Чудесный памятный день! Мы шли по зелёной траве, взявшись за руки, и пели песню «Каким ты был, таким ты и остался». Недавно прошёл фильм «Кубанские казаки». Все просто влюбились в его героев, фильм очень понравился всем, а песни сразу разучили наизусть.

– 1950 год. В большом зале идёт Новогодний концерт. Смех, гвалт, веселье. Периодически почтальон с бородой из пакли на «тройке лошадей с бубенцами» (трое малышей в упряжке) бегают по кругу вокруг ёлки, а затем останавливаются, разворачивают треугольники поздравительных писем и громко зачитывает. Мне так хочется, чтобы и меня кто-нибудь поздравил, но... нет! В основном поздравляют девчонок с Новым Годом и желают хорошей учёбы. Вижу счастливую Нину Суворову. Бегу в учительскую. Там на столе лежат для писем – записок несколько чистых тетрадей и три чернильницы с ручками. Торопливо пишу, чтобы не увидели. Бросаю его в деревянный почтовый ящик. Жду, не дожусь, когда почтальон зачитает моё письмо. И вот он громко читает:

– *«Нине Суворовой. Ба, да тут любовная лирика! Слушайте. Где – то там тоскливый чибис пролетает ввысь. Нина, милая дивчина, жду и жду – ты отзовись!»*

Немного растерянно, почтальон вызывает Нину Суворову к ёлке. Та, вспыхнув, убегает из зала, мельком бросив взгляд на меня. Почтальон оценил ситуацию:

– А где же этот прекрасный рыцарь? Ну! Выходи, молодой человек! Не бойся! Ты же просто молодец!

Я прячусь за спиной матери и отчима. Думаю, многие догадались, но пощадили меня. Почтальон, видно, тоже понял, и начал зачитывать другие письма.

– Зима снежная и долгая, морозы, метели, охота, зимняя рыбалка. Незабвенные вечера с песнями, частушками, танцами, игры в прятки, лыжи и коньки, игры со взятием снежных крепостей – всё занимало нас, всё было интересно! Дни летели незаметно!

О последней игре надо сказать особо. Снежная крепость была построена у нас за оградой, где весной было болото. Высокий полутораметровый вал с двумя башнями – бойницами, а перед ним яма-ров. Стены длиной до десяти метров, толстые, неоднократно политы водой. Всё сделано на совесть: крепость крепка, заледенела и сверкала на солнце. Можно было только, дружно взявшись за руки, с разбегу пробить брешь в стене. Одному и нечего было думать! Когда закончили сооружение снежной крепости, самая бойкая Ирка Чадаева распорядилась:

– В крепости будут только одни девчонки. Края стены не штурмовать – только середину! Только через ров! А уж кто сбоку подумает проникнуть – того сразу отстраняем от игры! Еврейские штучки здесь не пройдут! Кто честно взял приступом крепость, тот действует, как в кино или книгах. Девчонки в его власти!

Это всем подходило, это было честно! Особенно нас привлекала последняя Иркина фраза. Трудно было заполучить девчонок в плен! Мы не раз убеждались, что взять приступом крепость не так легко. Девчонки из-за стен ловко бьют, слепят снежками (а они перед игрой их много заготовливали), а на скользкую стену тоже нелегко взобраться. На нашу крепость приходили играть пол деревни – такая она была великолепная! Не раз и не два крепость было не узнать. Как Мамай прошёл! Но мы опять накатывали, восстанавливали стены, ещё больше поливали, леденили их неприступные бока, вызывая азарт и ярость нападающих. Но зато как сладка была победа! Мы знали, что взяв штурмом крепость, население её наше! Забывались многочисленные ушибы, синяки, ссадины, ледяной холод за воротом до брюха от снежков. Девчонок мы валили в снег, щекотали, валяли, мяли. А кое-кто из старших ребят в сумерках, в снежной пыли, тискали и пытались целовать визжащих девчонок. И вообще, было приятно повозиться, побороться с девчонками! До поздней ночи стоял шум, смех, визг у нашей крепости! Ну и, естественно, штурмовал я стену всегда в том месте, где в амбразуре мелькало личико Нины Суворовой.

– В школе я сидел на две парты дальше за Ниной Суворовой. Идёт урок, а я не слышу – люблюсь Ниной. Всё мне нравится в ней! Она сидит за партой с Леркой Аюковой вполоборота ко мне и тоже не слушает. О чём-то перешёптывается с худенькой, курносой и веснушчатой Леркой. Вот черноглазая Нина лукаво улыбается, поглядывая на Вовку Жигульского или бойкого остроглазого Борьку Перепелицу. На меня – ноль внимания! Выглянувший луч света пробился через окно и осветил на её шее завитушки волос, аккуратненькую мочку уха, скользнул по её крепкой и ладной фигурке. Мне хочется с Ниной подружиться и провожать её из школы. Хочется, чтобы она меня выделила и обратила на меня внимание, но как это сделать? Решаю:

«Надо побороть на перемене своих соперников так, чтобы Нина видела. Гордого и заносчивого Вовку-то я поборою, а вот Борьке, пожалуй, уступлю. Хотя, правда, с Борькой ещё настоящему не боролся. Всё больше уваливаю, когда он наскакивает. Чего боюсь – сам не знаю.

Надо при ней повалить Вовку, а затем разделаться и с Борькой. Только постараться изо всех сил – и я его посрамлю перед ней! Вот тогда она и обратит на меня внимание – это факт! Подумаешь, красавцы! Решение проблемы найдено!

На ближайшей перемене, видя краем глаза Нину, заедаюсь:

– Вовка! Давай бороться! Что? Не хочешь? Слабак! Эх, ты – тухляк!

Вовка рассвирепел и кинулся на меня. Раз и другой раз опрокинул его на пол. Мелькнуло заинтересованное лицо Нинки. Ура! Видела всё! Расхорохорился:

– Борька! А ты чего боишься? Давай бороться!

Коренастый Борька был сильнее многих и это всех заинтересовало. Сразу образовался круг. Нина тут же. Ну, всё! Нельзя упустить момент! Мы завозились в коридоре, кряхтели, приподнимая друг друга за обтянувшиеся штаны и так и сяк. Чувствую – не могу повалить на пол Борьку! Все кричат, подзадоривают, слышу даже Нины голос. Она болеет за меня – другого случая не будет! Откуда силы взялись – начал наступать, теснить растерявшегося Борьку. Ну! Чуть-чуть ещё! Ноги дрожат от перенапряжения. Последний раз мотаю Борьку и он, наконец, валится! Но в этот момент кто-то бьёт мне подножку, и я сам лечу на пол. И Борька уже на мне! Какой позор – наоборот всё получилось! Снизу беспомощно вижу, как все расходятся – уже звонок. Ору:

– Это нечестно! Кто-то дал мне подножку!

Запыхавшийся Борька, поправляя штаны и рубаху, устало отвечает:

– Да тебе это показалось! Всё честно – я сильнее!

Последним захожу в класс, ищу глазами Нину – она отворачивается. И в тот же миг встречаюсь с радостными глазами Вовки. Ага! Как это я сразу не догадался – кто дал мне подножку?

И в этот, и на следующий день крутился после уроков около Нины, но она как будто не замечает меня. А в душе моей что творится! Меня, как назло, тянет к ней, хочется поговорить с ней о чём-нибудь серьёзном, хочется просто рядом пройти с ней. Червячок сосёт, тревожит меня, и я решаю проводить её из школы. После спевки нахожу её – она уже одета и выходит с Леркой. Догоняю их, и не нахожу сил, смелости идти рядом. Так и доходим до дома Нины. Впереди они, а я плетусь в трёх шагах сзади. Останавливаются у избы – смотрят на меня. На лице моём, конечно, видна растерянность, страх и отчаяние. Обе прыскают и разбегаются в разные стороны.

А любовь к Нине прямо сжигает меня! Третий день не сплю, не ем! Мать заметила, спрашивает меня, что болит? Я уклончиво отвечаю, что всё нормально.

Бреду из школы по глубокому снегу, ничего не видя, а в глазах розовощёкая симпатичная Нина Суворова. Не замечаю, как вслух бормочу:

– Что делать? Что делать? Нет, не любит она меня! Утопиться, что ли?

В сердцах бросаю сумку с тетрадками в сугроб на взгорке около избы Силаевых.

– Эге! Ты что это – малец? Как это утопиться? Кто же это не любит тебя так?

Вздрагиваю от неожиданности – испуганно оборачиваюсь: это рядом вышагивает и посмеивается в усы белорус Кадол в подшитых валенках. Сразу прихожу в себя, подхватываю сумку и бегу домой.

И вдруг дома приходит идея. Выпрашиваю, вымаливаю у матери два рубля:

– Мама! Хочешь, чтобы я не болел? Ни о чём не спрашивай. Я когда-нибудь всю правду расскажу. Если дашь два рубля, вот увидишь, выздоровею!

Мать верила во все приметы и сама частенько гадала. Она сразу поверила мне и дала два рубля. Бегу в магазин, покупаю целое богатство: двести граммов конфет – подушечек, обсыпанных сахаром. Дома вырываю из тетрадки два чистых, в клеточку, листа, пересыпаю

конфеты в них и тщательно завёртываю. На лицевой стороне большими печатными буквами, чтобы не узнали по почерку, пишу:

– НИНЕ СУВОРОВОЙ.

На большой перемене, когда класс проветривает дежурный Вовка Жигульский, заскакиваю. Вовка у двери в коридоре никого не пускает, но после препирательств уступает. Отвернулся, кажется, не видит, очень хорошо! Кладу пакет с конфетами в её парту. Зашли все в класс после перемены. Я маюсь, дрожу от нетерпения, наблюдаю – не замечает Нина моего подарка! Уже урок прошёл, затем опять перемена и второй урок – всё также! Нервничаю, сам не свой!

И вдруг, когда уже кончился последний урок, и все начали собираться домой, Нина кричит на весь класс:

– Девочки! Что это? Что за пакет? Кто это написал на нём мою фамилию?

Все кидаются, разглядывают, разворачивают мой подарок. Нина кричит:

– Конфеты! Ой, как здорово! Кто же это подкинул?

И вдруг раздаётся злорадный хохот Жигульского:

– Это Углов тебе подарил! То-то он крутился в классе на большой перемене! Я не пускал – чуть не подрались. Жених!

Все смотрят на меня, а я вспыхнул, и по мне видно и так без Вовки! От обиды и злости кинулся на долговязого Вовку, сбил на пол и давай тумасить – еле растащили. Убежал – тут же догоняет Нинка:

– На! Возьми свои конфеты! Не нужны они мне!

Я поддал ещё больше, убегая от неё и от себя...

Четыре месяца прошло после этого. Уже весна была и она как-то очутилась рядом со мной. Шли тихо из школы, молчали. Уже у своей избы, глядя себе под ноги, вдруг грустно сказала:

– А я твои конфеты не съела! Берегу!

Всё перевернулось во мне! Благодарно взглянул на неё, забыв все обиды. С того дня мы начали дружить с ней и старались больше никогда не ссориться.

Глава №7 Чтение книг

Вечереет... Зимние вечера длинные. Управимся с домашними делами по дому и с уроками – идём с братом играть с друзьями в прятки. Заиграемся так, что к сеновалу приходит отчим с ремнём в руках – разгоняет всех. Красные от мороза, сдираем промокшую от растаявшего снега одежду и развешиваем на верёвках около русской печи. Поужинали.

Ляжем с Шуркой на тёплой печи, затащим к себе лампу, задёрнем занавеску и погрузимся в волшебный мир чтения книг. Книги! Что за чудо эти книги! Позавчера прочитал «Тимур и его команда», вчера «Ташкент – город хлебный», а сегодня днём «Мальчик из Уржума». Но самое интересное чтение книг ночью, когда все спят. Есть ли что на свете чудеснее чтения? В трубе воеет пурга, на лавке мирно посапывает мать, а на другой лавке храпит и бормочет что – то пьяный отчим. Мать просыпается, толкает его, громко ругается:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.